ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Хрестоматия

Том 1

Составители
Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ПУРИШЕВА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»

Москва
«Высшая школа»
1988

Генри ФИЛДИНГ

(Henry Fielding)

(1707–1754)

Родился в семье обедневшего аристократа, армейского офицера. Образование получил в аристократическом Итонском колледже. Еще в колледже обнаружил склонность к литературе, зачитывался Шекспиром, Мильтоном, Рабле, Сервантесом, Мольером; в 20 лет Филдинг написал свое первое произведение: комедию «Любовь в различных масках». Пьеса пользовалась успехом у зрителей. В 1728 г. он едет в Голландию поступает в Лейденский университет на филологический факультет. Отсутствие реальных средств к существованию заставляет Филдинга уйти со второго курса и в 1730 г. он возвращается на родину. Здесь он с головой окунулся в театральную жизнь, работая в течение 10 лет в качестве драматурга и режиссера. Вскоре Филдинг встал во главе труппы и получил возможность снять небольшой театр (на Хаймаркет). За этот период он написал 25 фарсов и комедий, среди которых наиболее значительные — «Трагедия трагедий,

или Жизнь и смерть великого Мальчака-с-пальчика», «Критик», «Конвент-Гарденская трагедия», «Мнимый доктор», «Стяжатель», «Интригующая горничная», «Дон Кихот в Англии», «Политик из кофейни, или Судья, пойманный в собственную ловушку», «Пасквин» и «Исторический календарь за 1736 год».

Резкая и беспощадная критика администрации министра-взяточника Роберта Уолпола (а также всей партии вигов, находившейся тогда у власти) взбесила всемогущего премьера, и в 1737 г. он провел через парламент «Билль о театральной цензуре», сделавший невозможной дальнейшую драматургическую деятельность Г. Филдинга.

Оставшись совершенно без средств, будучи обременен семьей, Филдинг решает обратиться к юриспруденции, чтобы иметь «надежный кусок хлеба». В 30 лет он поступает студентом в юридическую школу, и в 1740 г. получает диплом юриста. Теперь он сочетает деятельность журналиста с работой судьи в одном из районов Лондона (Вестминстере). Будучи судьей, Филдинг пытался убедить правительство провести ряд законов, направленных на улучшение положения лондонской бедноты.

Первый роман Филдинга — «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга мистера Абраама Адамса. Написано в подражание манере Сервантеса, автора «Дон Кихота» (1742).

В 1743 г. появляется сатирическое обозрение в манере Лукиана «Путешествие с этого света в загробный мир» и замечательный сатирический роман «Жизнь мистера Джонатана Уайльда Великого».

Однако романы обогатили лишь издателей Филдинга. Семья его продолжала жить в бедности. Несмотря на тяжелые переживания и гнет нужды, Филдинг работал с неослабевающей энергией и в 1749 г. опубликовал свое главное произведение — социальный роман в 12-ти книгах «История Тома Джонса Найденыша».

Последний роман Филдинга «Амелия» (1751) свидетельствует об упадке творческих сил автора. Постоянная нужда подорвала здоровье великого писателя. В 1754 г. Филдинг, тяжело больной, отправляется на юг, в Лиссабон, где, как надеялись врачи, он мог вылечиться. По пути он ведет «Дневник путешествия в Лиссабон». Но дни великого романиста уже были сочтены: вскоре по приезде в Лиссабон он умер. Дневник был опубликован посмертно в 1755 г.

История приключений Джозефа Эндрюса и его друга мистера Абраама Адамса. Написано в подражание манере Сервантеса, автора «Дон Кихота»

(«The History of the Adventures of Joseph Andrews, and of his Friend Mr. Abraham Adams. Written in Imitation of the Manner of Cervantes, Author of Don Quixote», 1742)

Глава 8,

в которой после некоего весьма изящного описания рассказывается о свидании между леди и Джозефом, когда сей последний явил пример, коему мы в наш порочный век не надеемся увидеть подражания со стороны лиц его пола

Вот и Гаспер-повеса[1] крикнул уже, чтоб несли ему штаны, и, протерев сонные глаза, приготовился нарядиться на ночь: и, следуя сему примеру, его братья-повесы на земле также покидают постели, в которых проспали весь день. Вот и Фетида[2], добрая хозяйка, загремела горшками, чтобы накормить на славу доброго честного Феба[3] по завершении его дневных трудов. Говоря низменным языком, был уже вечер, когда Джозеф явился на зов своей госпожи.

Но так как нам подобает оберегать доброе имя дамы, героини нашей повести, и так как мы, естественно, питаем удивительную нежность к той прелестной разновидности рода человеческого, которая именуется прекрасным полом, то, прежде чем открыть читателю слишком многое из слабостей этой дамы, правильно будет сначала описать ему яркими красками то великое искушение, которое одержало победу над всеми усилиями скромного и добродетельного духа; и тогда, мы смиренно надеемся, добрый наш читатель скорей пожалеет о несовершенстве людской добродетели, нежели осудит его.

О, даже и дамы, надеемся мы (приняв во внимание многообразие чар, соединившихся в этом молодом человеке), будут склонны обуздать свою безудержную страсть к целомудрию и — настолько хотя бы, насколько разрешит им их ревностная скромность и добродетель, — проявят мягкость в своем суде

о поведении женщины, возможно, не менее целомудренной по природе, чем те чистые и непорочные девы, которые, простодушно посвятив свою жизнь столичным увеселениям, начинают годам к пятидесяти посещать два раза per deum[4] фешенебельные церкви и капеллы, даже возносить благодарения богу за явленное им милосердие, некогда уберегшее их среди стольких обольстителей от соблазнов, быть может, менее могучих, чем тот, что ныне возник пред леди Буби.

Мистеру Джозефу Эндрюсу шел теперь двадцать первый год. Роста он был скорее высокого, чем среднего. Телосложение его отличалось большим изяществом и не меньшей силой. Его ноги и бедра являли пример самой точной соразмерности. Плечи были широки и мускулисты; но руки висели так легко, что в нем при несомненной силе не было ни тени неуклюжести. Волосы были у него каштановые и падали на спину своенравными локонами. Лоб высокий, глаза темные, полные и огня и ласки. Нос римский с небольшой горбинкой. Зубы ровные и белые. Губы красные и сочные. Борода и усы резко проступали только на подбородке и на верхней губе; щеки же, в которых играла кровь, были покрыты лишь густым пушком. В выражении его лица нежность сочеталась с невыразимою тонкостью чувств. Добавьте к этому щепетильную опрятность в одежде и осанку, которая показалась бы аристократической тем, кто мало видывал аристократов.

Таков был человек, представший теперь пред взором леди. Некоторое время она глядела молча на него и два или три раза, прежде чем заговорить, меняла свое мнение о том, в каком духе ей следует начать. Наконец, она ему сказала:

— Джозеф, мне очень прискорбно слышать эти жалобы на вас; мне передавали, будто вы так грубо ведете себя с девушками, что они не могут спокойно исполнять свои обязанности; я говорю о тех девушках, которые не настолько испорчены, чтобы склонять слух к вашим искательствам. Что касается других, те, пожалуй, и не назовут вас грубым; есть же такие дурные распутницы, которые вызывают у нас стыд за весь наш пол и которые так же легко допускают всякую мерзкую вольность, как ее легко предлагает мужчина; да, есть такие и в моем доме; но здесь их не останется; та бессовестная потаскушка, которая ждет от вас ребенка, сейчас уже получила расчет.

Как человек, пораженный в сердце молнией, всем своим видом являет предельное изумление (а может, и впрямь бывает изумлен), так принял бедный Джозеф ложное обвинение от своей госпожи, он вспыхнул и потупился в смущении; она же, усмотрев в этом признак виновности, продолжала так:

— Подойдите ближе, Джозеф. Так вот: другая хозяйка, воз-

можно, уволила бы вас за такие проступки; но ваша юность вызывает во мне сострадание, и если бы я была уверена, что больше вы не провинитесь... Слушайте, дитя мое (тут она небрежно положила свою ладонь на его руку), вы — красивый молодой человек, и вы заслуживаете лучшей участи; вы могли бы найти свою судьбу...

— Сударыня, — сказал Джозеф, — уверяю вашу милость, ни на одну служанку в доме я не смотрю, не замечаю, мужчина она или женщина...

— Ах, фи! Джозеф, — говорит леди, — не совершайте нового преступления, отрицая правду. Я могла простить вам первое, но лжец для меня ненавистен.

— Сударыня! — воскликнул Джозеф. — Надеюсь, вашу милость не оскорбит мое уверение, что я невиновен: ибо, клянусь всем святым, я никогда ни с кем не позволил себе ничего кроме поцелуев.

— Поцелуев! — сказала леди, и ее лицо отразило сильное волнение, причем больше было краски на ее щеках, чем негодования во взоре. — Вы не называете их преступлением? Поцелуи, Джозеф, — это как пролог к пьесе. Могу ли я поверить, чтобы молодой человек вашего возраста и вашего цветущего вида довольствовался одними поцелуями? Невозможно, Джозеф! Нет такой женщины, которая, разрешая это, не была бы склонна разрешить и большее; вы сами привели бы ее к тому — или я жестоко в вас обманываюсь. Что вы подумали бы, Джозеф, если бы я вам позволила меня поцеловать?

Джозеф ответил, что он скорее бы умер, чем допустил такую мысль.

— А все же, Джозеф, — продолжала она, — леди не раз позволяли такие вольности своим лакеям; и лакеям, должна я признать, куда менее заслуживавшим этого, не обладавшим и половиною ваших чар; потому что такие чары, как ваши, почти могли бы оправдать преступление. Итак, скажите мне, Джозеф, если бы я разрешила вам такую вольность, что бы вы подумали обо мне?.. Скажите откровенно.

— Сударыня, — молвил Джозеф, — я подумал бы, что ваша милость снизошла много ниже своей особы.

— Фью! — сказала она. — В этом я сама перед собой держу ответ. Но вы не стали бы настаивать на большем? Удовольствовались бы вы поцелуем? Все желания ваши не запылали бы разве огнем при таком поощрении?

— Сударыня, — сказал Джозеф, — если бы даже и так, надеюсь, я все же не потерял бы власти и над ними и не дал бы им взять верх над моей добродетелью.

Читатель, ты, конечно, слышал от поэтов о статуе Изумления[5], ты слышал также — если не вовсе уж мало ты наслышан — о том, как один из сыновей Креза[6], пораженный ужасом,

вдруг заговорил, хотя был нем[7]. Ты видел лица зрителей в восемнадцатипенсовой галерее[8], когда из люка под тихую музыку или без музыки поднимается мистер Бриджуотер, мистер Вильям Миллз[9], или еще какое-либо призрачное явление с лицом, бледным от пудры, и в рубахе, кровавой от красных лент. Но ни статуя эта, ни крезов сын, ни те зеваки в балагане, ни Фидий и Праксителъ[10], вернись они к жизни, ни даже неподражаемый карандаш моего друга Хогарта[11], не могли бы явить себе столь идеального образа изумления, какой представился бы твоим глазам, если б узрели они леди Буби, когда эти последние слова слетели с уст Джозефа.

— Над вашей добродетелью! — сказала леди, придя в себя после двух минут молчания. — Нет, я этого не переживу! Ваша добродетель? Какая нестерпимая самоуверенность! Вы имеете дерзость утверждать, что когда леди, унизив себя и отбросив правила приличия, удостоит вас высшей милости, какая только в ее власти, — то тогда ваша добродетель воспротивиться ее желанию? Что леди, преодолев свою собственную добродетель, встретит препятствие в вашей?

— Сударыня, — сказал Джозеф, — я не понимаю, почему, если у леди нет добродетели, то ее не должно быть и у меня? Или, скажем, почему, если я мужчина или если я беден, то моя добродетель должна стать прислужницей ее желаний?

— Нет, с ним потеряешь терпение! — вскричала леди. — Кто из смертных слышал когда о мужской добродетели? Где это видано, чтобы даже самые великие или самые степенные из мужчин притязали на что-либо подобное? Разве судьи, карающие разврат, или священники, проповедующие против него, сколько-нибудь совестятся сами ему предаваться? А тут мальчишка, молокосос так самоуверенно говорит о своей добродетели!

— Сударыня, — сказал тогда Джозеф, — этот мальчишка — брат Памелы, и ему было бы стыдно, когда бы семейное их целомудрие, сохранившееся в ней, оказалось запятнано в нем. Если бывают такие мужчины, о каких говорила ваша милость, я сожалею о том; и я хотел бы, чтобы им представилась возможность прочитать те письма моей сестры Памелы, которые мне переслал мой отец; я не сомневаюсь, что такой пример исправил бы их.

— Бесстыдный негодяй! — вскричала леди в бешенстве. — Он еще меня попрекает безумствами моего родственника, который опозорился на всю округу из-за его сестры, этой ловкой плутовки! Да я никогда не могла понять, как это леди Буби, покойница, терпела ее в своем доме! Прочь с моих глаз, жалкий человек! И чтоб вы сегодня же вечером оставили мой дом! Я прикажу немедленно выплатить вам жалованье, отобрать у вас ливрею и выставить вас вон!

— Сударыня, — молвил Джозеф, — простите, если я оскорбил вашу милость, но, право, я этого никак не хотел.

— Да, жалкий человек! — кричала она. — В своем тщеславии вы истолковали по-своему те маленькие невинные вольности, на которые я пошла, чтобы проверить, правда ли то, что я слышала о вас. А вы, я вижу, имели наглость возомнить, будто я сама к вам неравнодушна.

Джозеф ответил, что он позволил себе все это сказать только из опасения за свое целомудрие — слова, от которых леди пришла в буйную ярость и, не желая ничего слушать, велела ему немедленно выйти за дверь.

Не успел он удалиться, как она разразилась такими восклицаниями:

— Куда увлекает нас эта бешеная страсть? Какому унижению мы подвергаем себя, толкаемые ею? Мы мудро делаем, когда противимся ее первым, самым ничтожным порывам; ибо только тогда мы можем обеспечить себе победу. Ни одна женщина не может с уверенностью сказать: «Я дойду до этой черты и не дальше». Не сама ли я довела до того, что оказалась отвергнута моим лакеем? О, эта мысль нестерпима! — тут она обратилась к звонку и позвонила с безмерно большей силой, чем требовалось, ибо верная Слипслом[12] стояла тут же у порога: по правде сказать, при последнем свидании с госпожой у нее зародилось некое подозрение, и она подождала в соседней комнате, старательно приникнув ухом к замочной скважине, все то время, пока шел приведенный выше разговор между Джозефом и леди.

Этот роман родился из полемики с Ричардсоном. Филдинг, принадлежавший к критическому крылу английских просветителей, высмеивал автора «Памелы» за постоянное стремление сгладить противоречия действительности, за проповедь пуритански-ханжеского смирения, за неумение и нежелание Ричардсона вывести повествование за узкие рамки семейной драмы.

Уже с первых глав читателю становится ясно, что перед ним пародия на «Памелу» Ричардсона. Герой Филдинга — лакей Джозеф — оказывается братом ричардсоновской Памелы. Он попадает в ситуацию, сходную с той, в которой очутилась сама Памела после смерти леди Б. Джозефа — красивого, статного юношу — преследует любовными домогательствами его хозяйка — леди Буби — вдова недавно скончавшегося Томаса Буби[1] — родственника хозяина Памелы. Вдова, еще молодая и интересная женщина, не хочет смириться с тем, что красивый лакей отверг ее, — Джозефа выгоняют на улицу.

Таким образом, добродетельный Джозеф был вознагражден совсем иначе, чем его сестра. Джозефа выгнали со службы, а затем, по слову капризной и мстительной леди Буби, едва не засудили и не упрятали в тюрьму. Однако юноша хранит верность Фанни — своей невесте, работнице с фермы — и никакие испытания и преследования не в состоянии заставить его изменить любви.

[1] Филдинг расшифровывает фамилию хозяина Памелы — Б. — как Буби, что по-англ. означает «олух».

Таким образом, мотивировка поступков главного персонажа и характер разрешения конфликта между бедняком и его хозяйкой у Филдинга показаны глубоко правдиво, он отвергает идеализацию и приукрашивание в изображении социальных противоречий. В конце романа появляется ричардсоновская Памела. Став знатной дамой, она резко осуждает своего брата за его намерение жениться на деревенской девушке. Любопытно, что в изданном анонимно памфлете «Бесстыдница» (или «Шамела», от Schamela[1]), написанном еще до «Джозефа Эндрюса», Филдинг давал более детальный, пародированный портрет Памелы. В памфлете — это попросту ловкая интриганка, которая вначале берет в любовники своего духовника. Затем, руководимая и наставляемая священником, ловко женит на себе недалекого, глуповатого сквайра Б. Став знатной дамой, Памела насмехается вместе с любовником над незадачливым супругом. Такая трактовка сюжета романа Ричардсона стала возможна из-за того, что автор «Памелы» старается в конце романа сгладить все затронутые им конфликты и примирить всех и вся, создав общую картину буржуазного процветания и благополучия. Роман Филдинга также имеет оптимистическую концовку. Джозеф счастливо женится на любимой девушке, он оказывается сыном состоятельного человека и т. д. Но эта концовка вытекает из общей оптимистической установки Филдинга, верившего в буржуазный прогресс. Однако критика социальных бедствий в романе настолько глубока, что его автора считают основоположником критического реализма. Филдинг бесстрашно срывает все и всяческие маски с дворян и буржуа и подчеркивает непримиримость интересов богатых и бедных, несправедливость буржуазного суда и общества. Недаром такие мастера критического реализма, как Стендаль, Теккерей, Диккенс, постоянно обращаются в Филдингу, используют в своих произведениях его творческий опыт.

В романе «Джозеф Эндрюс» Филдинг создает широкую панораму английской жизни своей эпохи. Обаятелен образ мудрого чудака пастора А. Адамса — нищего сельского священника, верного друга Джозефа и Фанни. Не раз крепкие кулаки и здравый смысл Адамса спасали Джозефа и Фанни во время их бесконечных странствий. Непримиримость к злу, действенный гуманизм Абраама Адамса воспринимался представителями помещичьей и мещанской среды как своего рода «донкихотство», в их понимании он — чудак, вмешивающийся в чужие дела. Смоллет, Стерн и Голдсмит, следуя за Филдингом, создали галерею мудрых и добрых чудаков, сохранивших человечность в мире наживы.

Выше приводятся отрывки из романа.

1 *Гаспер* — вечерняя звезда, у древних греков — бог пиров и веселья.

2 *Фетида* — богиня моря, заведовала на Олимпе кладовыми с пищей богов — амброзией *(греч. миф.)*.

3 *Феб (Аполлон)* — бог солнца, покровитель искусств *(греч. миф.)*.

4 *Per deum* — в день *(лат.)*.

5 Статуя Изумления описана в «Божественной комедии» Данте.

6 *Крез* — легендарный царь, обладатель бесчисленных сокровищ, олицетворение богатства у древних греков и римлян.

7 Захватив Лидию, где Крез был царем, повелитель персов Ксеркс приказал казнить его. Тогда, по легенде, внезапно заговорил сын Креза, от рождения немой: «Воин, помилуй Креза, не руби ему голову!»

8 Имеется в виду галерка, куда приходили лакеи, горничные и городская беднота.

9 *Бриджуотер, В. Миллз* — актеры-статисты в театре Друри-Лейн.

10 *Фидий, Праксителъ* — гениальные ваятели Древней Греции.

11 *Хогарт Вильям* (1697—1764) — гениальный английский художник и теоретик искусства, современник и друг Г. Филдинга.

12 *Слипслом* — экономка, особа лет 40, тоже влюбленная в Джозефа.

[1] Sham — ханжа *(англ.)*

Жизнь мистера Джонатана Уайльда Великого

(«The Life of Mr. Jonathan Wild the Great», 1743)

Глава 6

О шляпах

Уайльд собрал довольно большую шайку, состоявшую из проигравшихся картежников, разорившихся судебных приставов, проторговавшихся купцов, ленивых подмастерьев, адвокатских клерков и бесчинной и распутной молодежи — юношей, которые, не будучи ни рождены для богатства, ни обучены какой-либо профессии или ремеслу, желали, не работая, жить в роскоши. Так как эти персоны придерживались разных принципов, вернее — разных головных уборов, между ними часто возникали разногласия. Среди них главенствовали две партии, а именно: тех, кто носил шляпы, лихо заломив их треуголкой, и тех, кто предпочитал носить «нашлепку» или «тренчер», спуская поля на глаза. Первых называли «кавалерами», или «терироры горлодеры»[1] и т. д.; вторые ходили под всяческими кличками — «круглоголовых», «фигов», «стариканов», «вытряхаймошну»[2] и разными другими. Между ними постоянно возникали распри, а потому со временем они стали думать, что в их расхождениях есть что-то существенное и что интересы их несовместимы, тогда как в действительности все расхождения сводились к фасону их шляп. И вот Уайльд, собрав их всех в пивной в ночь после казни Фирса[3] и подметив по тому, как они держались друг с другом, некоторые признаки несогласия, обратился к ним с такою речью в мягком, но настоятельном тоне*:

---

* Эта речь заключает в себе нечто весьма загадочное, на что, однако, глава Аристотеля по этому вопросу, упоминаемая одним французским автором, пожалуй, могла бы пролить некоторый свет, но, к сожалению, она относится к числу утраченных произведений великого философа. Примечательно, что латинское galerus («шляпа») имело еще и другое равноправное значение: «морская собака», подобно тому как греческое κυνεη означает еще и «шкура животного». Отсюда я заключаю, что шляпы или шлемы древних делались, как сейчас у нас, из бобра или кролика. Софокл в финале своего «Аякса» упоминает о способе обмана при помощи шляп, а в комментариях к этому месту один толкователь говорит о некоем Крефонте, который был мастером этого искусства. Следует также заметить, что в первой песне гомеровой «Илиады» Ахилл в гневе говорит Агамемнону, что у него, «собачьи глаза». Но поскольку глаза у собаки красивей, чем у огромного большинства других животных, это никак не может служить выражением упрека. Следовательно, он, очевидно, хотел сказать, что

— Джентльмены, мне совестно видеть, как люди, занятые столь великим и достославным делом, как ограбление общества, так глупо и малодушно ссорятся между собой. Неужели вы думаете, что первые изобретатели шляп, или по меньшей мере различия между ними, в самом деле замыслили так, что шляпы разных фасонов должны преисполнять человека та — благочестия, эта — законопочитания, та — учености, а эта — отваги? Нет, этими чисто внешними признаками они хотели только обмануть жалкую чернь и, не утруждая великих людей приобретением или сохранением сущности, ограничить их только необходимостью носить ее признак или тень. Поэтому с вашей стороны было бы мудро, находясь в толпе, развлекать простаков ссорами по этому поводу, чтобы с большей легкостью и безопасностью, пока они слушают вашу трескотню, залезать в их карманы; но всерьез заводить в собственной среде такую нелепую распрю — до крайности глупо и бессмысленно. Раз вы знаете, что все вы мазы, какая разница, носите ли вы узкие или широкие поля? Или маз не тот же маз что в той, что в этой шляпе? Если публика так не умна, что увлекается вашими спорами и отдает предпочтение одной своре перед другой, покуда обе целят на ее карманы, ваше дело смеяться над дурью, а не подражать ей. Что может быть, джентльмены, нелепей, чем ссориться из-за шляп, когда ни у кого из вас шляпа не стоит и фартинга? Что проку в шляпе? голову греть да прикрывать от людей лысую макушку, — а что еще? Признак джентльмена — снимать то и дело шляпу; да и в суде и в благородных собраниях никто и никогда не сидит в шляпе. А потому, чтоб я больше не слушал об этих ребяческих ссорах! Давайте-ка вместе вскинем дружно шляпы, и отныне лучшей шляпой будем считать ту, в которой упрятана самая большая добыча!

Так закончил он свою речь, встреченную шумным одобрением, и тотчас же все присутствующие дружно вскинули шляпы, как он им велел.

Этот сатирический роман отразил глубокое разочарование Филдинга в буржуазной парламентской демократии. Подобно Свифту, он убедился (после нескольких лет участия в движении парламентской оппозиции) в беспринципности политики и тори и вигов, создающих лишь видимость разногласий, а по существу беззастенчиво грабящих народ. Прототипом героя романа послужил Джонатан Уайльд — крупный авантюрист, скупщик краденого, мошенник, хорошо извест-

---

Агамемнон был в шляпе, а это, возможно, считалось признаком бесчестия — по той ли твари, из коей делалась шляпа, или на каком-то другом основании. Этот предрассудок, возможно, связан с неким обычаем, передававшимся через века от нации к нации, — обычаем выказывать уважение путем снимания головного убора, так что ни один человек не почел бы возможным разговаривать с высшим, не сняв шляпу с головы. В заключение настоящего ученого примечания добавлю, что эпитет «шляпа» и сейчас применяется в простонародье в не совсем почетном смысле. *(Прим. автора.)*

ный лондонцам. О проделках этого короля воров, проституток и шулеров ходили легенды. Возглавляя большую шайку разбойников и воров-рецидивистов, Уайльд умудрялся в течение многих лет тайно состоять на службе в полиции. Подобно герою «Оперы нищего» Гея — Пичуму, он время от времени выдавал кого-нибудь из своей шайки властям, получая за это порядочные деньги. Скупая у воров краденое, он в то же время состоял в бюро по возвращению *утерянных и краденых вещей для богатых людей. Клеветник и гнусный интриган*, он до самого ареста пользовался всеобщим уважением и считался богобоязненным человеком и честным дельцом-коммерсантом. Словом, писатель-сатирик имел богатейший жизненный материал, который мастерски использовал в своем романе. Но было бы ошибкой считать, что Г. Филдинг написал авантюрно-плутовской роман. Цели его — гораздо шире, он создал сатиру на государственных деятелей — министров и парламентариев.

Неоднократно автор проводит параллель между премьером и Д. Уайльдом. Причем вор оказывается гораздо менее опасным, так как сфера его деятельности неизмеримо уже, он может обездолить несколько десятков людей, в то время как правитель или министр одним росчерком пера ввергает в пучину бедствий и гибели миллионы, подписывая указ об объявлении войны или несправедливый грабительский закон.

В приводимой здесь речи Д. Уайльда дается острая сатира на парламентские партии, которые лишь по форме отличаются друг от друга. Филдинг иронически величает жулика Уайльда великим. Этим он хочет сказать, что его герой похож на великих деятелей государства — королей и министров. Замечательна догадка Филдинга о том, что преступный буржуазный строй покоится на жестокой экономической эксплуатации. В уста Джонатана Уайльда он вкладывает следующий знаменательный монолог: «...Пахарь, пастух, ткач и строитель работают не на себя, а на других; они довольствуются скудной долей (платой работника) и позволяют нам, великим, пользоваться плодами их труда... Недаром про нас, про смертных высшего порядка, сказано, что мы рождены только поедать плоды земли; и так же можно было бы сказать о людях низшего разряда, что они рождены только производить для нас эти плоды... Оглядитесь и посмотрите, кто живет в самых великолепных домах, услаждая свой вкус самыми дорогими лакомствами, а зрение — красивейшими статуями и самыми изящными картинами, кто носит самые изысканные, самые роскошные наряды, и скажите мне: из них, из всех, овладевших этими благами, найдется ли хоть один, кто участвовал бы лично в их производстве?..»

Это — одно из первых в литературе обличений паразитической сущности класса капиталистов.

Выше приведены отрывки из произведения.

[1] *«Кавалеры»*, *«терироры горлодеры»* — намек на партию тори, правившую при помощи полицейского террора.

[2] Здесь говорится о партии вигов, правившей в те годы. Сатирик разоблачает комедию парламентской двухпартийной борьбы.

[3] *Фирс* — преступник из шайки Уайльда.

История Тома Джонса Найденыша

(«The History of Tom Jones, a Founding», 1749)

Глава I

Введение в роман, или Список блюд на пиршестве

Писатель должен смотреть на себя не как на барина, устраивающего званый обед или даровое угощение, а как на содержателя

харчевни, где всякого потчуют за деньги. В первом случае хозяин, как известно, угощает чем ему угодно, и хотя бы стол был не особенно вкусен и даже совсем не по вкусу гостям, они не должны находить в нем недостатки: напротив, благовоспитанность требует от них на словах одобрять и хвалить все, что им ни подадут. Совсем иначе дело обстоит с содержателем харчевни. Посетители, платящие за еду, хотят непременно получить что-нибудь по своему вкусу, как бы они ни были избалованы и разборчивы; и если им какое-нибудь блюдо не понравится, они без стеснения воспользуются своим правом критиковать, бранить и посылать стряпню к черту.

И вот, чтобы избавить своих посетителей от столь неприятного разочарования, честные и благонамеренные хозяева ввели карту кушаний, которую каждый вошедший в заведение может немедленно прочесть и, ознакомившись таким образом с ожидающим его угощением, либо остаться и ублажать себя тем, что для него приготовлено, или идти в другую столовую, более сообразную с его вкусами.

Так как мы не считаем зазорным позаимствоваться умом-разумом от всякого, кто способен поучить нас, то согласились последовать примеру этих честных кухмистеров и представить читателю не только меню всего нашего угощения, но также особые карты каждой перемены кушаний, которыми собираемся почевать его в этом и следующих томах.

А заготовленная нами провизия является не чем иным, как *человеческой природой*. И я не думаю, чтобы рассудительный читатель, хотя бы и с самым избалованным вкусом, стал ворчать, придираться или выражать недовольство тем, что я назвал только один предмет. Черепаха — как это известно из долгого опыта бристольскому олдермену, очень сведущему по части еды, помимо отменных спинки и брюшка, содержит еще много разных съедобных частей; а просвещенный читатель не может не знать чудесного разнообразия человеческой природы, хотя она и обозначена здесь одним общим названием: скорее повар переберет все на свете сорта растительной и животной пищи, чем писатель исчерпает столь обширную тему.

Люди утонченные, боюсь, возразят, пожалуй, что это блюдо слишком простое и обыкновенное; ибо что же иное составляет предмет всех этих романов, повестей, пьес и поэм, которыми завалены прилавки? Много изысканных кушаний мог бы забраковать эпикуреец, объявляя их обыкновенными и заурядными на том только основании, что где-нибудь в глухом переулке подается под тем же названием разная дрянь. В действительности настоящую природу так же трудно найти у писателей, как байоннскую ветчину или болонскую колбасу в лавках.

Вся суть — будем держаться нашей метафоры — в писательской кухне, ибо, как говорит мистер Поп:

Остро сказать — наряд к лицу надеть,
Живую мысль уметь в слова облечь.

<...> Высокие достоинства умственного угощения зависят не столько от темы, сколько от искусства писателя выгодно подать ее... мы заботливо придерживаемся одного из первейших правил лучшего повара <...> Этот великий человек, как хорошо известно всем любителям полакомиться, подает сначала, на голодный желудок, простые кушанья, а потом, когда, по его предположениям, аппетит слабеет, восходит до самых пикантных соусов и пряностей. Так и мы предложим сначала человеческую природу свежему аппетиту нашего читателя в том простом и безыскусственном виде, в каком она встречается в деревне, а потом начиним и приправим ее всякими тонкими французскими и итальянскими специями притворства и пороков, которые изготовляются при дворах и в городах. Мы не сомневаемся, что такими средствами можно поселить в читателе желание читать до бесконечности <...>

Глава 12

Все ближе к концу

Закончив свой туалет, Джонс поехал с дядей к мистеру Вестерну. Он был красавец хоть куда, и одна его внешность могла обворожить бóльшую часть представительниц прекрасного пола; но читатель, надеемся мы, заметил в продолжении этой истории, что природа, создавая его, не ограничилась, как это нередко бывает, одним этим даром, а украсила его также и другими.

Софья, несмотря на весь свой гнев, тоже принарядилась — причину этого предоставляю найти моим читательницам — и явилась такой писаной красавицей, что даже Олверти, увидя ее, не удержался и шепнул Вестерну, что, по его мнению, она красивейшая в мире женщина. На что Вестерн отвечал ему тоже шепотом, но таким, что слышали все присутствующие:

— Тем лучше для Тома! Будь я неладен, если он не найдет в ней, чем полакомиться.

При этих словах Софья покраснела как маков цвет, а Том сделался белее полотна и готов был сквозь землю провалиться.

Едва только убрали со стола, как Вестерн потащил Олверти в другую комнату, сказав, что у него есть к нему важное дело, о котором он должен сейчас же поговорить с соседом наедине, чтобы не забыть.

Влюбленные остались одни, и многим читателям покажется, без сомнения, странным, что те, которые имели сказать друг другу так много, когда разговаривать было опасно и трудно, и, казалось, так страстно желали броситься в объятия друг друга, когда на пути лежало столько препятствий, оставались теперь, имея полную волю говорить и делать что угодно, некоторое

время безмолвны и неподвижны, настолько, что не слишком проницательный наблюдатель мог бы подумать, что они друг к другу равнодушны. Но, как ни странно это может показаться, дело обстояло именно так: оба сидели, опустив глаза в землю, и несколько минут хранили полное молчание.

Мистер Джонс раз или два сделал попытку заговорить, но это ему совершенно не удалось, и он только пробормотал или, вернее, испустил в виде вздоха несколько бессвязных слов. Наконец, Софья, частью из жалости к нему, частью желая отклонить разговор от того предмета, о котором, как она ясно чувствовала, Джонс собирался заговорить, сказала:

— Это открытие, сэр, верно, сделало вас счастливейшим человеком на свете?

— Неужели вы действительно можете считать меня счастливым, сударыня, — отвечал Джонс со вздохом, — в то время как я навлек на себя ваше неудовольствие?

— Что до этого, сэр, то вам лучше знать, заслужили ли вы его.

— Право, сударыня, вы не хуже меня осведомлены о всех моих провинностях. Миссис Миллер рассказала вам всю правду. Ах, Софья, неужели нет надежды на прощение?

— Мне кажется, мистер Джонс, я могу обратиться к вашему собственному чувству справедливости и предложить вам самому произнести приговор вашему поведению.

— Увы, сударыня, я молю вас о милосердии, а не о справедливости. Справедливость, я знаю, признает меня виновным, однако не в том, что я написал леди Белластон. Насчет письма я торжественно объявляю: вам сказали чистую правду.

И он с жаром заговорил об уверениях мистера Найтингейла в том, что всегда найдется предлог отступиться, если бы, вопреки их ожиданиям, леди согласилась принять его предложение; однако признался, что поступил неосторожно, дав ей в руки такое письмо, «за что, — сказал он, — я дорого поплатился, как видно по впечатлению, которое оно на вас произвело».

— Я думаю об этом письме, — отвечала Софья, — именно так, как вам желательно, и я не могу думать иначе. Мое поведение, кажется, ясно вам показывает, что я не придаю ему большого значения. И все же, мистер Джонс, разве у меня нет других поводов на вас сердиться? После всего, что произошло в Эптоне, так скоро завести интригу с другой женщиной, когда я думала, как вы уверяли, что сердце ваше переполнено любовью ко мне! Какое странное поведение! Могу ли я поверить в искренность любви, о которой вы мне столько твердили? Да если бы я поверила, что ожидает меня с человеком, способным быть настолько непостоянным?

— Ах, Софья, не сомневайтесь в искренности чистейшего чувства, какое когда-либо пылало в человеческом сердце! Подумайте, дорогая, в каком я был ужасном положении, какое овладело

мной отчаяние! Если бы я мог, обожаемая Софья, льстить себя самой слабой надеждой, что мне когда-нибудь позволено будет броситься к вашим ногам, как бросаюсь я теперь, то никакая женщина в мире не в силах была бы пробудить во мне и тени сколько-нибудь предосудительных в нравственном отношении помыслов. Быть неверным вам! О, Софья, если вы можете быть настолько добры, чтобы простить прошедшее, да не остановят вашего милосердия опасения за будущее! Никогда не было более искреннего раскаяния. О, пусть примирит оно меня с небом — небом, заключенным в вашем сердце!

— Искреннее раскаяние, мистер Джонс, дает прощение грешнику, но его прощает судия, для которого открыты все наши помыслы. А человека можно обмануть и нет никакого верного средства избежать обмана. Вы должны поэтому ожидать, что если раскаяние ваше побудит меня простить вас, то я потребую от вас убедительного доказательства вашей искренности.

— Требуйте любого доказательства, какое только в моей власти, — с жаром сказал Джонс.

— Время, только время, мистер Джонс, может убедить меня в том, что вы действительно раскаиваетесь и твердо решили отказаться от порочных привычек, за которые я бы вас возненавидела, если бы считала, что они укоренились в вашей натуре.

— Не считайте меня таким дурным! На коленях прошу, умоляю вас оказать мне доверие, и всю свою жизнь я посвящу на то, чтобы его оправдать.

— Посвятите хотя бы часть ее. Кажется, я довольно ясно сказала, что не откажу вам в доверии, когда увижу, что вы его заслуживаете. После всего случившегося, сэр, разве могу я полагаться на одни ваши слова?

— Хорошо, не верьте моим словам, — отвечал Джонс, — я располагаю более надежной порукой — залогом моей верности, — и он рассеет все ваши сомнения.

— Каким залогом? — спросила Софья с некоторым удивлением.

— Сейчас я покажу вам его, мой прелестный ангел, — сказал Джонс, беря Софью за руку и подводя ее к зеркалу. — Вот, он, взгляните на эту очаровательную фигуру, на это лицо, на этот стан, на эти глаза, в которых светится ум. Может ли обладатель этих сокровищ быть им неверным? Нет, это невозможно, милая Софья: они навеки приковали бы самого Дориманта, самого лорда Рочестера[1]. Вы бы в этом не сомневались, если бы могли смотреть на себя чужими глазами.

Софья покраснела и не могла удержаться от улыбки, но потом опять нахмурила брови и сказала:

— Если судить о будущем по прошедшему, то образ мой так же исчезнет из вашего сердца, когда я скроюсь с ваших глаз, как исчезнет он в этом зеркале, когда я ухожу из комнаты.

— Клянусь небом, клянусь всем святым, он никогда не исчезнет

из моего сердца! Ваша женская деликатность не может понять мужской грубости и того, как мало участвует сердце в известного рода любви.

— Я никогда не выйду замуж за человека, — сказала Софья, очень серьезно, — который не научится быть настолько деликатным, чтобы перестать чувствовать это различие.

— Я научусь, — отвечал Джонс, — я уже научился. То мгновение, когда у меня появилась надежда, что Софья может стать моей женой, сразу этому научило; и с этого мгновения ни одна женщина, кроме вас, не способна возбудить во мне ни грубого желания, ни сердечного чувства.

— Справедливость этих слов покажет время. Ваше положение, мистер Джонс, теперь изменилось, и, могу вас уверить, я этому очень рада. Теперь у вас будет довольно случаев встречаться со мной и доказать мне, что и ваш образ мыслей тоже изменился.

— Вы ангел! — воскликнул Джонс. — Как мне отблагодарить вас за вашу доброту? И вы говорите, что вас радует благополучная перемена в моей жизни... Поверьте же, сударыня, поверьте, что вы одна дали цену этому благополучию, поскольку я ему обязан надеждой... Ах, Софья, не откладывайте ее осуществления! Я буду беспрекословно вам повиноваться. Не смею ничего вынуждать у вас больше, чем вы позволяете, но, умоляю вас, сократите срок испытания. Скажите, когда я могу ожидать, что вы поверите тому, что, клянусь вам, есть святая истина?

— Согласившись пойти так далеко, я прошу вас, мистер Джонс, не вынуждать у меня никаких обещаний. Убедительно прошу.

— Ради бога, не смотрите на меня так сердито, дорогая Софья! Я ничего у вас не вынуждаю, не смею вынуждать. Позвольте мне только еще раз просить вас назначить срок. Будьте милосердны: любовь так нетерпелива.

— Ну, может быть... год.

— Боже мой, Софья, вы назвали целую вечность!

— Может быть, немного раньше, — не надоедайте мне. Если ваша любовь ко мне такая, как я желала, то, мне кажется, вы должны быть теперь довольны.

— Доволен! Не называйте моего ликования этим холодным словом... О, сладкая надежда! Быть уверенным, что придет благословенный день, когда я назову вас моей, когда все страхи исчезнут, когда я буду иметь высокую, несказанную, безмерную, упоительную отраду заботиться о счастье моей Софьи!

— Наступление этого дня зависит от вас, сэр.

— Ангел мой, божество мое! Слова эти сводят меня с ума от радости... Я должен, я не могу не поблагодарить милые уста, даровавшие мне блаженство.

И он заключил Софью в объятия и поцеловал так пылко, как никогда раньше не осмеливался.

В эту минуту Вестерн, подслушивавший некоторое время у

дверей, ворвался в комнату и закричал на охотничий лад:

— Ату, ее малый, ату, ату! Вот так, вот так, горько! Ну что, покончили? Назначила она день? Когда же — завтра или послезавтра? Не вздумайте откладывать и на минуту дольше — я уже решил.

— Позвольте вас просить, сэр, — сказал Джонс, — не заставляйте меня быть поводом...

— Ступай ты со своими просьбами... Я думал, в тебе больше огня и ты не поддашься на девичьи штучки... Все это вздор, поверьте мне. Фигли-мигли! Она готова под венец хоть сейчас. Разве не правда, Софья? Ну признайся же, скажи хоть раз в жизни правду! Что ж ты молчишь? Почему не отвечаешь?

— Зачем же мне признаваться, сэр, — ответила Софья, — если вы так хорошо знаете мои мысли?

— Дельно сказано! Так ты согласна?

— Нет, сэр, я своего согласия не давала.

— Так ты не хочешь за него ни завтра, ни послезавтра?

— Нет, сэр, у меня нет такого желания.

— И я скажу тебе, почему: потому что тебе нравится быть непослушной, мучить и раздражать своего отца.

— Пожалуйста, сэр... — вмешался Джонс.

— Да и ты тоже — щенок, не больше того! — остановил его Вестерн. — Когда я ей запрещал, так только было, что вздохи, да слезы, да тоска, да письма. Теперь я за тебя, а она — прочь. Лишь бы наперекор. Она, видишь ли, выше того, чтобы подчиняться приказаниям отца и слушаться его советов, все дело в этом. Ей бы только досаждать и перечить отцу.

— Чего же папеньке от меня угодно? — спросила Софья.

— Чего мне от тебя надо? Дай ему руку сию минуту!

— Извольте, сэр, я вам повинуюсь. Вот моя рука, мистер Джонс.

— И ты согласна идти под венец завтра утром?

— Я готова вам повиноваться, сэр, — отвечала Софья.

— Ну, так завтра же утром сыграем свадьбу! — воскликнул Вестерн.

— Хорошо, папенька, я согласна, если такова ваша воля.

Тут Джонс упал на колени и принялся в исступлении покрывать поцелуями руки Софьи, а Вестерн заплясал и запрыгал по комнате, восклицая:

— Да куда же провалился Олверти? Все возится с этими крючкотвором Даулингом, когда тут есть дело поважнее!

И он побежал отыскивать Олверти, очень кстати оставив влюбленных на несколько минут наедине.

Скоро, однако, он возвратился с Олверти, приговаривая:

— Если не верите мне, спросите у нее самой. Ведь ты согласилась, Софья, завтра же обвенчаться?

— Таково ваше приказание, сэр, — отвечала Софья, — и я не смею ослушаться.

— Надеюсь, сударыня, — сказал Олверти, — племянник мой будет достоин вашей доброты и сумеет, подобно мне, оценить великую честь, которую вы оказываете моей семье. Союз с такой очаровательной и прекрасной девушкой сделал бы честь самым знатным людям Англии.

— Да, — подхватил Вестерн, — а позволь я ей маяться да колебаться, так долго бы еще не видать вам этой чести! Я принужден был прибегнуть к отцовской власти.

— Надеюсь, сэр, здесь нет никакого принуждения? — спросил Олверти.

— Что же, если вам угодно, велите ей взять слово назад. Ты очень раскаиваешься, что дала его, или нет? Скажи, Софья.

— Нет, не раскаиваюсь, папенька, — отвечала Софья, — и думаю, что никогда не раскаюсь ни в одном обещании, которое я дала ради мистера Джонса.

— В таком случае, племянник, поздравляю тебя ото всей души, — сказал Олверти. — Ты счастливейший из смертных. Позвольте поздравить и вас, сударыня, по случаю этого радостного события: я уверен, что вы отдали свою руку человеку, который оценит ваши достоинства и приложит все старания, чтобы заслужить вашу любовь.

— Приложит старания! Да, он постарается, за это я поручусь! — воскликнул Вестерн. — Слушай, Олверти: держу пять фунтов против кроны, что ровно через девять месяцев с завтрашнего дня мы будем иметь внучка. Однако скажи, чего велеть подать: бургонского, шампанского или чего другого? Чего-нибудь надо, потому что, клянусь Юпитером, мы сегодня же отпразднуем помолвку.

— Извините, сэр, — отвечал Олверти, — я с племянником уже дал слово, не подозревая, что дело придет к развязке так скоро.

— Дал слово! — воскликнул сквайр. — Как бы не так! Я ни за что на свете не отпущу тебя сегодня. Ты у меня поужинаешь, — знать ничего не хочу.

— Нет, извините, дорогой сосед: я дал слово, а вы знаете, что я всегда держу свое слово.

— Да кому же ты обещал? — спросил сквайр, и когда Олверти ответил, к кому он идет и с кем будет, он воскрикнул:

— Черт возьми! Так и я поеду с тобой, не расстанусь, а разлучить Тома с невестой было бы жестоко.

Это предложение было тотчас же принято Олверти. Софья тоже согласилась, взяв сначала с отца обещание ни слова не говорить о ее помолвке.

«История Тома Джонса Найденыша» — вершинное произведение Г. Филдинга, его шедевр. Роман состоит из 12-ти книг, каждой из которых предпослана теоретическая глава, в которой автор подробно объясняет эстетику созданного им нового жанра — социального романа, или, как сам Филдинг назвал его, «комической эпопеи в прозе».

В «Томе Джонсе» с невиданной еще в литературе Просвещения полнотой отразилась жизнь Англии первой половины XVIII в. Перед глазами читателя проходит длинная вереница сельских сквайров и столичных аристократов, крестьян и городских тружеников, жизнь в провинциальном захолустье и в Лондоне. Показ реальных отношений между целыми классами и группами населения сочетается у Филдинга с глубоким психологическим анализом, с показом душевных переживаний и эмоций его персонажей. Следуя традициям Шекспира, Филдинг рисует многогранный, диалектически противоречивый образ главного героя, в характере которого сочетаются добро и зло, ум и легкомыслие, возвышенное и комическое и т. д. Юмор Филдинга неисчерпаем. Это подлинно народный юмор, который проявляется в диалогах, в ситуациях, в поступках персонажей, желающих выдать себя отнюдь не за тех, кем они являются на самом деле. Смелое, полнокровное, реалистическое изображение всех сторон жизни сочетается в «Томе Джонсе» с новаторством в области формы: по существу Филдинг придал роману ту форму, которой и по сей день пользуются последователи этого жанра. Филдинг внес в жанр романа свой обширный опыт драматурга, введя несобственно прямую речь, изжив длинноты и повторения (что характерно для романов Ричардсона), а главное — добившись единства и логичности в развитии действия. Высоко поэтическая форма этой огромной комической эпопеи в прозе является причиной ее неувядаемой молодости. Двести лет спустя роман Филдинга все так же волнует и захватывает нас, как и его современников в 40—60-х годах XVIII в.

Основным стержнем сюжета является судьба двух молодых влюбленных — Тома Джонса и Софьи Вестерн. Изгнание Джонса из отчего дома позволяет вывести повествование на большую дорогу страны; Софья тайком убегает из родительского дома для того, чтобы следовать повсюду за любимым. Приключения и переживания молодых людей являются канвой, связывающей огромную толщу событий и большое число персонажей, вступающих в те или иные отношения с главными героями. Филдинг разоблачает самодурство и дикий произвол мелкопоместных сквайров, являющихся полновластными вершителями судеб людей в провинции.

Таков отец Софьи — добрый, отзывчивый, но недалекий и упрямый сквайр Вестерн, который в припадке дикого раздражения может по пустяковому поводу (или даже без всякого повода) бросить в тюрьму человека (сквайры в ту эпоху были в провинции мировыми судьями) и даже способен разбить сердце своей дочери (которую в сущности очень любит), желая выдать ее насильно замуж за ненавистного ей Блайфила.

Но наиболее важным эстетическим открытием Филдинга был показ всемогущего «голого чистогана». В этом лучшем своем романе великий просветитель приходит к выводу о преступности буржуазно-аристократического английского общества, об обесценивании в нем таких возвышенных человеческих чувств, как любовь, дружба, честь, совесть, родственные связи, о превращении их в предмет купли-продажи. Филдинг продолжал дело развенчания устоев буржуазного общества, начатое Свифтом и Геем, он является гениальным предшественником плеяды «блестящих английских романистов» XIX в. (Диккенс, Теккерей, сестры Бронте, Гаскелл).

Но Филдинг лишь начал ту всеобъемлющую критику буржуазной морали, деловой практики, нравов, комедии суда, гнета всех эксплуатируемых институтов, которую почти через 100 лет развернули на страницах своих романов критические реалисты. Он еще не утратил веры в жизненность буржуазного строя и поэтому все же исполнен оптимизма. Никакие ухищрения коварного Блайфила, вероломной и развратной леди Белластон, распутного лорда Фелламора не в состоянии загубить любовь Тома и Софьи. Соединяя Тома с его любимой, автор расстается с ним, исполненный радужных надежд на то, что поколение молодых приведет Англию к полному процветанию.

Вместе с тем, верный жизненной правде, Филдинг не нашел положительных персонажей для своей комической эпопеи среди представителей буржуазного класса (как, например, это сумел сделать в начале века Д. Дефо).

Своих героев Филдинг ищет в среде тех, кто находится в конфликте с официальным обществом: его герой — подкидыш, лишенный из-за происков сводного брата (Блайфила) наследства, обреченный пройти через все круги ада, через нищету, голод, тюрьму, где ему угрожает виселица, и т. п. Том Джонс исполнен благожелательности и любви к людям, он приходит на помощь тем, кто попадает в беду, он прощает напавшего на него бедняка Андерсона, которого нищета заставила выйти на большую дорогу грабить. Он совершенно чужд корысти, страстно и искренне любит Софью. Даже нищета не может заставить его жениться на молодой и богатой вдове, поскольку он считает, что брак без любви — преступление, а Джонс не чувствует себя в состоянии отвечать взаимностью молодой женщине, полюбившей его. Человечный, гуманный, отзывчивый Том Джонс противопоставлен в романе расчетливому, корыстолюбивому, бездушному интригану Блайфилу. Эгоист и лицемер, Блайфил является типичным представителем молодых тори, усвоивших буржуазную мораль. Из соображений выгоды (чтобы получить целиком наследство — поместье своего дяди, сквайра Олверти, усыновившего Тома), Блайфил уничтожает письмо своей матери, в котором она признавала Тома своим сыном (следовательно, родным племянником сквайра Олверти, брата матери Блайфила и Тома — Бриджит). Законный сын Бриджит, Блайфил, оклеветал Тома перед своим дядей (который был также и судьей), так что Тому пришлось покинуть родной кров и отправиться без гроша в кармане в Лондон. Особенно резко противопоставляются характеры обоих героев в отношении их к браку: если Том предпочитает скорее умереть от голода и нищеты, чем сочетаться браком с женщиной, к которой он неравнодушен, то Блайфил рассматривает женитьбу как выгодную сделку. Он совершенно холоден к Софье, ему безразлична ее красота; однако Блайфилу «очень улыбалось состояние юной леди». Поэтому он употребляет все средства давления на Олверти и отца Софьи — Вестерна. И Софью, вероятно, насильно выдали бы замуж за нелюбимого человека, если бы она не поспешила вслед за Томом в Лондон, совершив побег из дома своего отца. Следуя традициям Шекспира, Филдинг показывает, что видимость и сущность характеров нередко не совпадают: Блайфила вначале все считают благонамеренным, скромным, честным молодым человеком. И лишь впоследствии маска добродетели спадает с его лица и он предстает перед всеми в своем истинном виде — негодяя и беспринципного интригана. Том же иногда не умеет управлять своими страстями и желаниями. Он вспыльчив, невыдержан, совершает опрометчивые поступки. Он может напиться, вступить в случайную любовную связь, способен ввязаться в драку, невоздержан на язык и т. д. Все считают его шалопаем, повесой и легко верят Блайфилу, что он бессердечный и неблагодарный подлец, замысливший извести своего приемного отца Олверти. Между тем Том незлоблив, простодушен и честен.

Большим очарованием обладает образ Софьи Вестерн. Софья — достойная подруга Тома. У нее сильный характер, не сгибающийся в несчастье. Подобно Дездемоне Шекспира, ее можно назвать «прекрасным воином, идущим на штурм своей судьбы». Она борется за свое счастье активно, поэтому добивается его.

Филдинг провозглашает главным принципом борьбу, действие. Этим он решительно отметает учение церкви о покорности и долготерпении. Именно поэтому, очевидно, лондонский епископ в 1752 г. проклинал роман Филдинга и угрожал прихожанам карой небесной, если они посмеют читать «столь богомерзкое сочинение».

Вставная новелла о Горном Отшельнике наилучшим образом раскрывает гуманизм Филдинга, унаследованный им от титанов Возрождения (Шекспира, Сервантеса, Рабле). В своих странствиях Том сталкивается с престарелым участником бунта герцога Монмаута (1678 г.) (будто бы направленного против короля Якова II). Спасая его из рук разбойников, Том становится гостем Горного Отшельника и знакомится с его мировоззрением — философией человеконенавистника и религиозного стоика. Отшельник утверждает наиболее реакционные религиозные взгляды, что «человеческая природа везде одинакова, везде достойна ненависти и презрения». Филдинг же провозглашает (устами Тома Джонса), что люди человечны, что сила их в гуманном отношении друг к другу, во взаимо-

помощи, взаимоподдержке. Услышав в лесу крик о помощи, Том Джонс покидает равнодушного к чужим радостям и страданиям отшельника и спасает миссис Вотерс от рук убийцы.

Знание жизни трудовых слоев общества, личное знакомство с тружениками питали веру английского просветителя в естественную доброту человека, являлись основой его исторического оптимизма.

Выше приводятся отрывки из произведения.

[1] *Дориант* — великосветский денди, прожигатель жизни, действующее лицо в пьесе Этериджа «Щеголь». Прототипом образа Дориманта послужил граф Джон Вильмонт Рочестер (1648—1680), вельможа при дворе Карла II Стюарта, прославившийся остроумием и скандальными похождениями. Рочестер был поэтом, его стихи и пьесы проникнуты безнадежным пессимизмом.

Исторический календарь за 1736 год

(«The Historical Register for the year 1736», 1737)

Действие первое

СУФЛЕР

Они готовы, сэр.

МЕДЛИ[1]

Открывай занавес.

Занавес раздвигается. Видны пятеро политиков, сидящих за столом.

СУРВИТ[2]

Здесь опечатка, мистер Медли. Написано, что второй политик говорит первым.

МЕДЛИ

Сэр, мой первый и самый крупный политик вообще никогда не говорит. Он — очень глубокий человек. Мораль здесь, как вам нетрудно заметить, заключается в том, что главное искусство политика — хранить тайну.

СУРВИТ

Вы хотели сказать, хранить свою политику в тайне?

МЕДЛИ

Начинайте, сэр.

2-Й ПОЛИТИК

Король Теодор[3] уже вернулся?

3-Й ПОЛИТИК

Нет.

2-Й ПОЛИТИК

А когда он вернется?

3-Й ПОЛИТИК

Не знаю.

СУРВИТ

Мне кажется, что этот политик очень мало что знает.

МЕДЛИ

Черт побери! Уж не хотите ли вы, чтобы будучи политиком, он был еще и пророком? Вы же видите, сэр: то, что уже случилось, он знает. А это — все, что он должен знать. Черт возьми, сэр, разве политику подобает быть прорицателем? Продолжайте, джентльмены. Прошу вас, сэр, не перебивайте их дебатов. Они имеют очень большое значение.

2-Й ПОЛИТИК

Усиленные приготовления турок наверняка направлены против какого-то определенного пункта. Встает вопрос: против какого же пункта они направлены? А на этот вопрос я не могу ответить.

3-Й ПОЛИТИК

Но нам следует быть настороже.

4-Й ПОЛИТИК

Да. И особенно потому, что мы об этом деле ничего не знаем.

2-Й ПОЛИТИК

Это вы правильно говорите. Легко остерегаться опасностей, которые тебе известны. Но, чтобы остерегаться никому неизвестных опасностей, надо быть очень большим политиком.

МЕДЛИ

Теперь вы, наверное, думаете, сэр, что никто ничего не знает?

СУРВИТ

Да, сэр, сдается, что так.

МЕДЛИ

Нет, сэр, один-то знает. Маленький джентльмен, что сидит там на стуле и молчит, все постиг.

СУРВИТ

Но как же вы собираетесь показать это публике?

МЕДЛИ

Черт побери, сэр, не должен ли политик считаться великим человеком и без того, чтобы проявлять свою мудрость?

5-Й ПОЛИТИК

К черту иностранные дела! Займемся деньгами!

ВСЕ

Да, да, да!

МЕДЛИ

Джентльмены, это мы повторим. И, будьте добры, хватайте деньги живее. Какие же из вас политики?

5-Й ПОЛИТИК

К черту иностранные дела! Займемся деньгами!

ВСЕ

Да, да, да!

2-Й ПОЛИТИК

Единственное, что следует обсудить в отношении денег, это то, как их достать.

3-Й ПОЛИТИК

Я думаю, сначала мы должны обсудить, есть ли что доставать. Если да, то возникает следующий вопрос: как прибрать деньги к рукам?

ВСЕ

Гм...

СУРВИТ

Скажите, пожалуйста, сэр, какое положение занимают на Корсике эти джентльмены?

МЕДЛИ

Это лучшие головы в королевстве, сэр, и, следовательно, величайшие люди. Вам ведь наверняка известно, что все хорошо работающие правительства, каким я изображаю и корсиканское, берут на крупные посты самых способных людей.

2-Й ПОЛИТИК

Я изучил данный вопрос и нахожу, что мы достанем их при помощи налога.

3-Й ПОЛИТИК

Я уже думал об этом и пытался выяснить, что еще не обложено налогом.

2-Й ПОЛИТИК

Образованность. Допустим, что мы обложим налогом образованность?

3-Й ПОЛИТИК

Образованность, правда, вещь бесполезная, но я думаю, что лучше уж брать налог с невежества. Образованность — достояние немно-

гих, да и то бедных. Боюсь, что с них много не возьмешь. А невежество — свойство самых богатых людей в королевстве.

ВСЕ

Да, да, да!..

Политики уходят.

Действие второе

Второе действие пьесы в аукционном зале. На сцене находятся аукционщик Хен[4] и завсегдатаи аукционов Бентер[5], м-с Скрин[6] и др.

ХЕН *(на помосте)*

Могу побожиться, джентльмены и леди, что этот аукцион удовлетворит каждого. Из всех аукционов, которые я имел честь проводить, это единственный в своем роде. Среди выставленного на продажу имеются уникальные ценности. Полагаю, что могу заявить об этом с уверенностью. Каталог редкостей, собранных неустанными трудами прославленного и тонкого знатока Питера Хамдрама[7], эсквайра, *назначенных к продаже на аукционе* Кристофера Хена в понедельник 21 марта, открывается номером первым. Джентльмены и леди, номер первый — в высшей степени любопытный остаток политической честности. Кто возьмет его, джентльмены? Из него выйдет очень хороший плащ; можете убедиться — на обе стороны одинаков. Выворачивайте его, сколько душе угодно. Внимание, начинаем, пять фунтов за этот редкий отрез. Уверяю вас, несколько великих людей ко дню рождения сделали себе платье из этого же куска. Век будет носиться и никогда не *сносится*. Пять фунтов цена. Кто — *больше пяти фунтов за этот* любопытный кусок политической честности? Пять фунтов, — никто не больше? (*Ударяет молотком).* Лорд Бофсайдс[8]. Номер второй. Чрезвычайно тонкий кусок патриотизма — кто берет? Десять фунтов за кусок патриотизма?

1-Й ПРИДВОРНЫЙ

Я не стал бы его носить и за тысячу.

ХЕН

Сэр, уверяю вас, некоторые джентльмены носили его при дворе. Внутри он совершенно не такой, как снаружи.

1-Й ПРИДВОРНЫЙ

Это запретный товар, сэр. Я не рискну носить его, чтобы не попасть в Вестминстер-холл[9].

ХЕН

Вы принимаете его за старый патриотизм, а между тем у него нет с ним ничего общего, кроме покроя. Увы, сэр, большая

разница в материале. И я ведь не предлагаю его для городского костюма, сэр. Он годится лишь для деревни. Зато подумайте только, джентльмены, как он вам пойдет на выборах! Начали, пять фунтов, одна гинея? Отложим патриотизм в сторону.

БЕНТЕР

Да, откладывайте его. Когда-нибудь он может еще войти в моду.

ХЕН

Номер третий. Три грана скромности. Учтите, леди, — этот товар нынче очень редок.

М-С СКРИН

Да, и к тому же вышел из моды, мистер Хен.

ХЕН

Прошу прощенья, мадам, но это настоящая французская скромность, уверяю вас. Не меняет цвета ни при каких обстоятельствах. Полкроны за всю скромность! Неужели здесь нет ни одной леди, которая нуждалась бы в скромности?

1-Я ЛЕДИ

Простите, сэр, какая она с виду? Я не могу разглядеть на таком расстоянии.

ХЕН

Ее нельзя заметить даже вблизи, мадам. Это прекрасная пудра, которая чудесно ложится на кожу.

М-С СКРИН

Мне показалось, что вы говорили, будто она настоящая французская и не меняет цвета кожи.

ХЕН

Совершенно справедливо, мадам, не меняет. Но она превосходно служит для того, чтобы краснеть, прикрываясь веером. Еще ее можно носить под маской на маскараде. Что? Никто не требует? Хорошо, отложим скромность в сторону. Номер четвертый — бутылка храбрости. Принадлежала некогда полковнику Иезекиилю Папкину[10], горожанину, олдермену и торговцу сальными свечами. Как, разве здесь нет ни одного офицера городского ополчения? Она может также служить армейскому офицеру в мирное время. И даже в военное, джентльмены. Всякий, кто уходит из армии, продаст ее за наличные.

1-Й ОФИЦЕР

Бутылка полная? Трещины в ней нет?

ХЕН

Нет, сэр, уверяю вас, хотя она и побывала во многих сражениях в Тотхил-фильдс. Более того, после смерти олдермена она прослу-

жила кампанию или две в Хайд-парке[11]. Никогда не истощится, покуда вы в Англии, но испарится немедленно, если вы попадете за границу.

1-й ОФИЦЕР

Будь я проклят, если во мне недостает отваги. Впрочем, она никогда не бывает излишней. Три шиллинга!

ХЕН

Три шиллинга за бутылку храбрости!

1-й ЩЕГОЛЬ

Четыре!

БЕНТЕР

Зачем вы ее покупаете?

1-й ЩЕГОЛЬ

Это я не для себя. Мне поручила одна дама.

1-й ОФИЦЕР

Пять!

ХЕН

Пять шиллингов, пять шиллингов за всю храбрость! Никто больше пяти шиллингов? (*Ударяет молотком*). Ваше имя, сэр?

1-й ОФИЦЕР

Макдональд О'Тандер[12].

ХЕН

Номера пятый и шестой. Все остроумие, принадлежавшее прежде мистеру Хью Пантомиму[13], сочинителю увеселений для театров, и мистеру Вильяму Гузквилу[14], автору политических статей в защиту правительства. Ставить их вместе?

БЕНТЕР

Конечно. Жаль было бы разделять их. Где они?

ХЕН

В соседней комнате, сэр. Любой джентльмен может посмотреть на них. Они чересчур тяжеловесны, чтобы принести их сюда. Их около трехсот томов фолио.

БЕНТЕР

Отложи их. Черта-с-два они кому-нибудь понадобятся, кроме директора театра. За *эти сочинения в городе уже* расплатились.

Номер седьмой. Очень чистая совесть, которую некогда носил судья, а затем епископ.

М-с СКРИН

Такая чистая, будто новая?

ХЕН

Да. Никакая грязь к ней не пристает. Заметьте, пожалуйста, как она вместительна. Тут столько совести, что ее на все хватит. Джентльмены, не бойтесь назначить за нее цену. Человек, который обладает ею, никогда не узнает бедности.

ЩЕГОЛЬ

Один шиллинг.

ХЕН

Фи, сэр! Я убежден, что вы в ней нуждаетесь. Будь у вас хоть сколько-нибудь совести, вы бы назначили больше. Итак, пятьдесят фунтов за совесть!

БЕНТЕР

Я от всего сердца дал бы пятьдесят фунтов, чтоб избавиться от своей собственной.

ХЕН

Я вижу, джентльмены, что вы решили не покупать ее. Я ее отложу. Номер восьмой. Весьма значительное количество протекций при дворе.

ВСЕ

Мне, мистер Хен!

ХЕН

Сто фунтов за них где хочешь дадут, джентльмены.

ЩЕГОЛЬ

Двести фунтов.

ХЕН

Двести фунтов, двести пятьдесят, триста, триста пятьдесят, четыреста, пятьсот, шестьсот, тысяча. Цена тысяча фунтов, джентльмены. Никто — не больше тысячи фунтов за протекции при дворе? Никто не больше тысячи? (*Стучит*). Мистер Литльвит[15].

БЕНТЕР

Будь я проклят, если я не знаю лавку, где могу купить их дешевле![16]

ДЕППЕР[17]

Черт побери! Вы провели меня, мистер Медли. Я не удержался и тоже начал торговаться.

МЕДЛИ

Вот вам верный признак того, что эта сцена отвечает действительности. Я бы не удивился, если бы и остальные зрители вскочили со своих мест и вступили в торг.

ХЕН

Все кардинальные добродетели идут десятым номером. Берите кардинальные добродетели!

ДЖЕНТЛЬМЕН

Восемнадцать пенсов.

ХЕН

Восемнадцать пенсов за кардинальные добродетели! Кто больше восемнадцати пенсов? Восемнадцать пенсов за все основные добродетели! Никто — не больше? Все добродетели, джентльмены, идут за восемнадцать пенсов. (*Ударяет молотком.*) Ваше имя, сэр?

ДЖЕНТЛЬМЕН

Здесь произошла ошибка, сэр. Мне показалось, что вы сказали «кардинальские добродетели». Я считал, что сделал выгодную покупку, а вы мне даете терпимость, целомудрие и кучу всякой дряни. Я бы не отдал за это даже трех фартингов.

ХЕН

Ладно, отложим добродетели. Номера десятый и одиннадцатый: большое количество остроумия и немного здравого смысла.

БЕНТЕР

Почему вы их ставите вместе? Между ними нет ничего общего.

ХЕН

Хорошо, в таком случае здравый смысл поставим отдельно. Номер десятый. Немного здравого смысла. Уверяю вас, джентльмены, это очень хороший товар. Кто назначит цену?

МЕДЛИ

Вы замечаете, что как он ни хорош, никто его не требует? Подобное молчание, если я имею право говорить стилем великого писателя, весьма красноречиво. Вы видите, мистер Сурвит, никто не выступает против здравого смысла. И никто

его не требует. Каждый думает, что он-то этим качеством обладает.

ХЕН

Отложим здравый смысл. Оставлю его себе. <...>

Действие третье

Четверо патриотов выходят из разных дверей, встречаются посреди сцены и жмут друг другу руки.

СУРВИТ

Эти патриоты, кажется, столь же молчаливы, как и ваши величайшие политики.

МЕДЛИ

О чем они думают, сэр, толком сказать нельзя, но многое можно заключить из того, как они кивают головами. Когда вино их подогреет, они мало-помалу разговорятся. Но все же вы не много у них узнаете. Хоть я и не делаю своих патриотов политиками, я не делаю их и дураками.

СУРВИТ

Но ваши патриоты довольно-таки обтрепанные парни.

МЕДЛИ

Просто они носят дешевое платье. К тому же низкое звание не мешает быть патриотом, мешает только высокое.

1-й ПАТРИОТ

Да процветает Корсика!

2-й ПАТРИОТ

Свобода и собственность!

3-й ПАТРИОТ

Да здравствует торговля!

4-й ПАТРИОТ

Ну да, за торговлю, за торговлю,—особенно за процветание моей лавки!

СУРВИТ

Зачем вы позволяете этому актеру, что стоит за сценой, смеяться и прерывать репетицию?

МЕДЛИ

О сэр, ему положено там быть. Он смеется в кулак над патриотами. Это очень значительный образ. Ему предстоит ответственная задача.

СУРВИТ

Я думаю, что публика должна бы это знать. А то они ошибутся, вроде меня, и освистают его.

МЕДЛИ

Да его не смутишь, если даже будет свистеть весь зал. Это ведь вконец бесстыжий парень. Я его специально подобрал для этой роли. Продолжайте, патриоты.

1-й ПАТРИОТ

Джентльмены, я считаю, что наша Корсика в скверном положении. Я не утверждаю, что мы действительно находимся в состоянии войны, потому что мы не воюем. Но угроза войны постоянно висит над нами. И почему бы ожиданию войны не быть хуже, чем сама война? Ведь предчувствие зла всегда тяжелее его самого. Со своей стороны я замечу и даже осмелюсь сказать: будь что будет, а я пью за мир.

МЕДЛИ

Этот джентльмен — патриот-пустомеля. Он пьет за свою страну, кричит о ней и никогда не делает ей ни добра, ни зла. Второй — опасливый патриот.

2-й ПАТРИОТ

Сэр, дайте мне вашу руку. В том, что вы говорите, есть своя правда. Я буду поддерживать вас от всей души. Но пусть это останется между нами.

3-й ПАТРИОТ

Слушайте-ка, джентльмены. Моя лавка — моя отчизна. Я всегда измеряю успехи второй по состоянию дел первой. По-моему, моя страна богаче или беднее в зависимости от того, поднимается или падает моя торговля. Вот почему, сэр, я не могу согласиться, что война, дескать, принесла бы ущерб. Совсем наоборот. Я считаю ее единственным условием процветания моей родины. Я торгую саблями, и война заставит мою страну процветать. Поэтому я за войну.

МЕДЛИ

Это своекорыстный патриот. А сейчас вы услышите патриота четвертого и последнего рода — безразличного патриота. Я встретил в одной компании благоразумного человека, который заснул в начале драки и не просыпался, пока она не кончилась. Этот патриот ведет себя точно так же.

4-й ПАТРИОТ *(ПРОСЫПАЯСЬ)*

За мир или за войну — мне все равно.

СУРВИТ

Поскольку этот джентльмен ни за тех, ни за других, мир отстаивают двое против одного.

МЕДЛИ

А может быть, никто не получит большинства? Может быть, я нашел способ примирить обе партии? Впрочем, продолжайте.

1-й ПАТРИОТ

Должна ли Корсика желать войны при теперешних наших обстоятельствах? Все мы — жалкие бедняки. Разве это не так, спрашиваю я вас?

ВСЕ

Да, да.

3-й ПАТРИОТ

Верно сказано. Этого уж никто не станет отрицать.

Входит Квидам[18].

КВИДАМ

Я отрицаю это, сэр.

Все вскакивают.

Не беспокойтесь, джентльмены, прошу вас, садитесь. Я пришел выпить с вами стаканчик запросто. Может ли Корсика быть бедной, пока в ней есть вот это? *(Кладет кошелек на стол).* Не пугайтесь, джентльмены, это честное золото, уверяю вас. Все вы сошлись на том, что представляете собой компанию жалких бедняков. Я возражаю, потому что все это — ваше. *(Высыпает золото на стол).* Поделите его между собой.

1-й ПАТРИОТ

А что мы должны за это делать?

КВИДАМ

Говорите, что вы богаты, вот и все.

ВСЕ

И только?

ВСЕ

Расхватывают деньги.

КВИДАМ

Ну, сэр, каково теперь ваше мнение? Говорите откровенно.

1-й ПАТРИОТ

И буду. Человек может ошибаться по неведению. Но тот, кто, зная всю правду, выступает против своих убеждений,— мерзавец. Признаюсь, я думал, что мы бедны, но вы убедили меня, сэр, что мы богаты.

ВСЕ

Мы все убеждены.

КВИДАМ

В таком случае вы честные ребята, и я пью за ваше здоровье. А если бутылка опустела, оставьте печаль и отбросьте заботы. Давайте танцевать! А я вам сыграю на скрипке![19]

ВСЕ

Мы согласны.

1-й ПАТРИОТ

Начинайте, если вам угодно. Мы будем повторять все ваши движения.

Танец. Квидам, танцуя, удаляется со сцены, за ним следуют танцующие патриоты.

МЕДЛИ

Очень может быть, что этот танец задуман с определенной целью.

СУРВИТ

С какой, скажите пожалуйста!

МЕДЛИ

Сэр, у каждого из этих патриотов дырка в кармане. Скрипач Квидам знает это и заставляет их плясать, пока все деньги не вывалятся; тогда он подбирает их. Таким образом, он не теряет и полушки от своих щедрот, и даже, наоборот, попивает винцо задаром, а бедный народ — увы! — оплачивает весь счет из своего кармана. По-моему, это весьма удачная пантомима. Здесь заключена прямая пародия на тех плутов, которых великий Лан[20] показал в своих увеселениях. Итак, кончается моя пьеса, мой фарс или как вам угодно будет ее назвать. Могу ли я надеяться на одобрение вашего лордства?

ДЕППЕР

Очень мило, право, очень мило.

МЕДЛИ

В таком случае, милорд, я буду рассчитывать на вашу поддержку, ибо в этом городе вещи не всегда имеют успех со-

гласно своим достоинствам. Если вы введете меня в моду, милорд, я буду вам вечно обязан. А вы, мистер Сурвит, поможете мне среди критиков. Мне не нужно ученой статьи, которая бы доказывала, что трехактный фарс не есть построенная по всем канонам пьеса в пяти действиях. И, наконец, я обращаюсь к вам, джентльмены, которых я не имею чести знать, почтившие мою пьесу своим присутствием, и к вам, леди, независимо от того, любите вы Шекспира или Бомонта и Флетчера. Я надеюсь, что вы будете снисходительны к репетиции.

Пускай из ваших уст узнает вся столица,
Что юмора чужого ни крупицы
Во всем, что вы смотрели, не таится.

«Исторический календарь за 1736 г.» — одна из самых гениальных комедий Филдинга. В ней дается широкая картина нравов, разоблачается моральная деградация и душевное убожество английского буржуа. Пьеса написана в форме репетиции, на которой присутствуют автор, критик и знатный меценат. Эта композиция позволяет автору постоянно комментировать реплики действующих лиц. Автор переносит действие комедии на Корсику, хотя сохраняются английские имена, а нравы и ситуации характерны только для Англии XVIII в.

Выше приводится отрывок из произведения.

[1] *Медли* — автор пьесы; в переводе имя Медли означает «всякая всячина» *(англ.)*.

[2] *Сурвит* — критик, присутствующий на репетиции (сурвит — недоброжелатель — *англ.*).

[3] *Король Теодор* — немецкий авантюрист барон фон Нейгоф, встал в 1736 г. во главе корсиканцев, восставших против генуэзского герцога, и был провозглашен королем о. Корсики.

[4] *Хен* — курица *(англ.)*. В этой сцене выведен известный всему Лондону аукционер Кок — петух *(англ.)*.

[5] *Бентер* — шутка *(англ.)*.

[6] *Скрин* — ширма *(англ.)*.

[7] *Хамдрам* — зануда *(англ.)*.

[8] *Боф-сайдз* — и нашим и вашим *(англ.)*.

[9] *Вестминстер-холл* — зал в Вестминстерском дворце в Лондоне: в XVI в. в нем собирался парламент, позднее в зале и прилегающих к нему помещениях находились различные суды.

[10] *Папкин* — глиняный горшок *(англ.)*.

[11] В то время в Хайд-парке происходили дуэли.

[12] *О'Тандер* — громоподобный *(англ.)*.

[13] *Хью Пантомим* — он же Великий Лан — известный актер и режиссер Джон Рич, прославившийся в жанре пантомимы в театре Ковент-Гарден.

[14] *Гузквил* — гусиное перо, также — дурацкое перо *(англ.)*. Филдинг имел в виду правительственного журналиста-ренегата Хенли.

[15] *Литльвит* — кретин, недоумок, тугодум.

[16] Намек на взяточничество чиновничьего аппарата Р. Уолпола.

[17] *Деппер* — проворный, пронырливый *(англ.)*.

[18] *Квидам* — имеется в виду премьер-министр Роберт Уолпол.

[19] Пляска патриотов под скрипку (дудку) Р. Уолпола — наиболее острая сатирическая сцена во всей комедии.

[20] См. примечание 13.